

ВСЕ ПОЗВОЛЕНО...

Почему уходят артисты из Магнитогорского театра имени А. С. Пушкина

Поздним вечером мы были в Магнитогорск. Мы — это заведующая отделом культуры Челябинского обкома партии Т. Тихоплав и автор этих строк.

Дорога была неблизкой, к тому же довольно тряской, и мы к ее концу, чего греха таить, чувствовали себя не лучшим образом. Но въехали в легендарную Магнитку, и, право, усталость словно рукой сняло. Представьте себе современный красивый город, его широкие проспекты, стройные и строгие дома, чем-то удивительно смахивающие на ленинградские. (На другой день в горкоме партии нам пояснили, что генеральный план строительства Магнитогорска составлялся в свое время зодчими с берегов Невы, и, дескать, не мудрено, что кое-что оттуда было перенесено на отроги Урала).

С гордостью поведали нам и о том, как уже в первые годы здесь, у подножия горы Магнитной, был создан ТРАМ — Театр рабочей молодежи, от которого, собственно, и ведет свою родословную нынешний профессиональный Драматический театр имени А. С. Пушкина.

В Магнитогорск нас привела жалоба, поступившая в газету из этого самого театра. Даже две жалобы. Авторы их писали, в частности: «Поверьте, дело идет не об ущемленных самолюбиях, не о творческой неудовлетворенности, ставках и прочих мелочах. Нет, речь идет об удивительно безразличной обстановке, которую создает и культивирует главный режиссер театра Ю. Тамерьян. Речь идет о шантаже, который процветает в театре и насаждается главным режиссером, о клевете и ярлыках, используемых режиссером для борьбы с неугодными ему творческими работниками, речь идет о хамстве и запугивании, об унижении человеческого достоинства».

И далее «послужной список» Ю. Тамерьяна.

«1) Расправился с режиссером, заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом премии имени К. С. Станиславского Ш. Муртазиной, ставившей в театре разовый спектакль «Гражданское дело». Он хамски изгнал ее из театра и еще во время работы над спектаклем пригрозил лишить ее всех званий».

2) В течение двух лет подвергается травле очередной режиссер, заслуженный артист РСФСР Н. Шуров, неугодный Ю. Тамерьяну.

3) Преследуются любые проявления творческой инициативы. Например, официально запрещены Ю. Тамерьяном любые самостоятельные работы актеров.

4) Не выдержав хамского и бесчеловечного поведения Ю. Тамерьяна, из театра ушли в прошлом сезоне 16 актеров, многие из которых проработали здесь по 5—6 лет».

И заключительные строки: «Мы просим лишь одно: разобраться в том, что у нас происходит, разобраться, поговорив с творческими работниками, с актерами. Мы просим помочь нам, так продолжаться больше не может».

Откровенно говоря, мы не во всем поверили авторам письма. Казалось невозможным, чтобы в течение нескольких лет ни дирекция, ни общественные организации театра, ни городские и областные власти не разобрались в трудностях жизни театрального коллектива, не предприняли срочных мер...

Каждая история имеет завязку, кульминацию и развязку. Наша не составляет исключения. Мне кажется, датой кульминации следует назвать 23 мая 1975 г. — общее собрание коллектива театра. В тот вечер с докладом о состоянии идеологической работы среди населения выступил секретарь Магнитогорского ГК КПСС А. Паукин. Присутствовал на собрании и заместитель начальника Челябинского областного управления культуры Л. Шульгин. Оба руководителя не случайно прибыли к артистам — до них уже не раз доходили сигналы о поведении главрежа.

Страницы протокола хранят бушевавшие на собрании страсти. Есть необходимость опубликовать хотя бы фразы из некоторых выступлений:

Н. Шуров, режиссер: В нашем театре с приходом Ю. Тамерьяна слишком много стало хамства и крика. Я сам неоднократно слышал и видел это.

Н. Столбова, артистка: Главный режиссер постоянно твердит нам: мне не важно, хорош или плох актер, важно, слушает ли он меня или нет.

Н. Чигасов, артист: К нам, актерам, у главрежа наплевательское отношение.

На этом памятном собрании, затанувшемся почти на 8 часов, выступили 20 человек. «Большинство выступавших, — как написано в ответе заместителя начальника областного управления

культуры Л. Шульгина Министерству культуры РСФСР от 30 июля 1975 года, — указывало на тяжелую атмосферу, которая возникла с появлением в театре Тамерьяна. Артисты, работники вспомогательных цехов указывали на факты необъективности, шантажа, запугивания со стороны Тамерьяна, говорили о том, что в театре царит гнетущая обстановка. Неверно повел себя на собрании сам Тамерьян, отметая все, что было сказано о его методах работы».

Да, после такой критики было над чем призадуматься главному режиссеру. Но подавляющее большинство сотрудников театра, с которыми мне довелось беседовать, не заметили, чтобы «методы» его работы претерпели хоть малейшие изменения. Так думают бывшая заведующая литчастью театра О. Дилакторская, заслуженная артистка РСФСР, делегат XXIV съезда КПСС И. Васильева, артистки С. Забелина, Н. Столбова, Р. Кузьмина, А. Шипунова и многие, многие другие.

Ну а как считает сам Ю. Тамерьян? Долгим и трудным был у нас разговор. — Трупы всегда смердят, — решительно заявил он мне, когда зашел разговор о недовольных.

— Но в театре все на вас жалуются: и режиссеры, и актеры, и подсобные рабочие.

— Ну и что? — стоял на своем главный режиссер, — просто в нашем коллективе происходит закономерный биологический процесс отмирания старого и рождения нового.

И далее Ю. Тамерьян познакомил нас со своей, с позволения сказать, концепцией: дескать, им как главрежам взят курс на молодых актеров, а ветераны пусть потеснятся. Довод как будто и не лишен основания. Только проблема, которую имеет в виду Ю. Тамерьян, решается путем преемственности, а ставничества, развития и углубления лучших традиций театральных коллективов, а никак не подменой творческого процесса каким-то «биологическим».

Суть его проста: это склока, запугивание, стремление разобщить коллектив, чтобы легче властвовать над ним, хамство. Стоило, скажем, тем же режиссерам Ш. Муртазиной, Н. Шурову высказать свое мнение, в чем-то не совпадающее с мнением Тамерьяна, как по театру гремел его голос:

— Кто здесь главный: я или вы? Я! Потому и делаю, как я велю!

Авторитет — штука напразная. Тон приказа, тем паче в творческих организаци-

ях, редко способствует его рождению. Избытком амбиций Ю. Тамерьян стремится прикрыть свою творческую несостоятельность. А о ней красноречиво свидетельствует и часто пустующий зал, и то, что билеты «с боем» распространяют по учебным заведениям и предприятиям, и то, что, как подчеркнуто в постановлении бюро горкома партии от 23 сентября 1975 г., «драмтеатр слабо изучает духовные запросы трудящихся и молодежи».

Я спросил у Ю. Тамерьяна, чем вызван был конфликт с режиссером Ш. Муртазиной, о котором пишут авторы жалобы в газету?

— Она халтурщица и дилетантка в режиссуре, — последовал категорический ответ.

— Но Муртазина лауреат премии имени К. С. Станиславского, а это уже само по себе свидетельствует о ее серьезном режиссерском почерке.

— Может быть, но только мне как главному виднее уровень ее мастерства.

Думается, Тамерьян увидел этот уровень не в работе режиссера, а в распределении ролей. В спектакле «Гражданское дело» Ш. Муртазина поручила сыграть один из главных образов Р. Кузьминой. А Тамерьян решил, что эту роль в первом составе нужно отдать собственной жене. Вот и все «принципиальные» разногласия.

А с нами, артистами, у Тамерьяна разговор и того проще: «Выгоню. Я дал роль, я и отберу. Срежу ставку. Бездарь. Тупица» — вот набор самых скромных высказываний главного режиссера, приведенный артисткой И. Васильевой.

Не мудрено, что в такой обстановке в театре столь велика текучесть кадров. При чем уходят-то как раз молодые, перспективные люди, для которых, как утверждает Тамерьян, он создает хорошие условия. Никто не хочет мириться с унижениями и деспотизмом.

Главный режиссер — не только постановщик спектаклей. Он воспитатель коллектива, это человек, который своими высокими моральными качествами служит примером для труппы и в творчестве, и в жизни.

Увы, совсем не таков Ю. Тамерьян. Его позиция проста — мне все дозволено. И никто не попытался его одернуть — ни директор театра М. Поляков, ни секретарь парторганизации В. Юферев.

Мне довелось беседовать с тем, и с другим. Оба превосходно знают минусы главного режиссера, его умение «выбить человека из колеи»,

«снять стружку», устроить склоку. Но почему-то противостоять Ю. Тамерьяну они не смогли. Так и случилось, что главный режиссер оказался вне контроля административного и партийного.

На это указывалось в постановлении бюро Магнитогорского ГК КПСС, на которое я уже ссылался. В нем подчеркнуто: «Партийной организацией драмтеатра недостаточно используется право контроля деятельности администрации, не всегда вовремя коммунисты реагируют на конфликтные ситуации, возникающие в коллективе. Редко выносятся на обсуждение партийных собраний вопросы творческой деятельности коллектива, повышения художественного уровня создаваемых спектаклей. Вопросы работы и общественной жизни коллектива редко обсуждаются на общих собраниях работников театра».

Недостатки подмечены верно. Но мало зафиксировать их. Надо было бы работникам горкома КПСС более решительно вмешаться в жизнь коллектива. Ведь о конфликте в театре известно давно, много раз приходили в горком артисты с жалобами на Ю. Тамерьяна, но вот уже три года все остается по-прежнему.

Коллектив выбит из нормальной рабочей колеи. Авторы письма не преувеличили: 16 артистов ушли из театра только за прошлый сезон, они не выдержали «контакта» с главным.

— Был бы театр, а артисты найдутся, — с легкостью необыкновенной заявляет Ю. Тамерьян.

И невдомек ему, что те 16 не просто покинули Магнитогорск, а покинули его с глубокой душевной травмой, с поколебленной верой в силу коллектива, не сумевшего остановить зарвавшегося человека.

— Мы же творческий коллектив, а не сборище пешек, способных лишь выполнять указания главного режиссера, — говорит Р. Кузьмина, одна из ведущих артисток театра, — а он так любит нас унижать...

Дверь в кабинет, где мы беседуем, распахивается. В проеме Ю. Тамерьян. Сердитый взгляд из-под очков в толстой черной оправе.

— Ну, быть беде. — вздыхает Кузьмина.

Не слишком ли затянулась эта жизнь под страхом мести или увольнения в коллективе Магнитогорского театра? Не слишком ли долго «царствует спокойно» Ю. Тамерьян?

В. БОРОХОВ,
наш соб. корр.

МАГНИТОГОРСК.

Соб. культура 2. Москва 20 сев. 1976